

Не любо - не слушай

Жили два брата умных, а третий дурак. Вот однажды поехали они в лес по дрова, и захотелось им там пообедать; насыпали они круп в горшок, налили воды, а огня нет.

Неподалеку был пчельник. Вот большой брат и говорит:

— Пойти мне за огнем на пчельник.

Приходит и говорит старику:

— Дедушка, дай мне огоньку.

А дед говорит:

— Сыграй прежде песенку мне.

— Да я, дедушка, не умею.

— Ну, попляши.

— Я, дедушка, не горазд.

— А не горазд, так нет тебе и огня!

И приходит этот большой брат без огня к своим братьям.

Тут средний брат говорит:

— Экой ты, брат! Не принес нам огню! Да-ка я пойду, — и пошел.

Пришел на пчельник и кричит:

— Дедушка, пожалуй мне огоньку.

— Ну-ка, свет, сыграй мне песенку!

— Я не умею.

— Ну, сказку скажи.

— Да я, дедушка, ничего не умею.

Приходит и этот брат без огня к своим братьям.

Дурак посмотрел на своих братьев:

— Эх вы, умные братцы, не взяли вы огня! — и пошел сам.

Приходит и говорит:

— Дедушка, нет ли у тебя огоньку?

А дед говорит:

— Попляши прежде!

— Я не умею.

— Ну, сказку скажи.

— Вот это так мое дело, — сказал дурак и присел на лежащий плетень. — Да смотри, — прибавил дурак, — садись-ка насупротив меня, слушай, да не перебивай.

Вот старик сел напротив его. Дурак откашлялся и начал:

— Ну, слушай же, дед!

— Слушаю, свет!

— Была у меня, дедушка, пегонькая лошаденка; я на ней ездил в лес сечь дрова. Вот однажды сидел я на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит — трюк, трюк, а топор-то ей по спине — стук, стук; вот стукал, стукал, да и отсек ей зад. Ну, слушаешь, дед?

— Слушаю, свет!

— Вот я на передке этом еще три года ездил, да потом как-то нечаянно в лугах увидал задок моей лошади: ходит он и траву щиплет. Я взял поймал его и пришил к передку, пришил да еще три года ездил. Слушаешь, дед?

— Слушаю, свет!

— Ездил, ездил, приехал я в лес и увидал тут высокий дуб; начал по нем лезть и залез на небо. Вот увидал я там, что скотина дешева, только комары да мухи дороги, взял и слез на землю, наловил я мух и комаров два куля, взвалил их на спину и вскарабкался опять на небо.

Сложил кули и стал раздавать людям: отдаю я муху с комаренком, а беру с них на обмен корову с телятком — и набрал столько скотины, что и сметы нет. Вот и погнал я скотину, пригнал я к тому месту, где взлезал, — хватился: дуб-то подсекли. Тут я пригорюнился и думал, как мне с неба слезть, и вздумал наконец сделать веревку до земли: для этого перерезал я всю скотину, сделал долгий ремень и начал спускаться. Вот спускался, спускался, и не хватило у меня ремней вышиною поболее твоего шалаша, дедушка, а прыгнуть побоялся. Слушаешь, дед?

— Слушаю, свет!

— Вот мужик, на мое счастье, веет овес: полова-то летит вверх, а я хватаю да веревку мотаю. Вдруг поднялся сильный ветер и начал меня качать туда и сюда, то в Москву, то в Питер; оторвалась у меня веревка из половы, и забросило меня ветром в тину. Весь я ушел в тину, одна голова лишь осталась; вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо. Вот повадился бирюк ходить на болото и есть яйца. Я кое-как вытянул из тины руку и ухватился за хвост бирюку — стоял он подле меня, — ухватился и закричал громко: тю-лю-лю-лю! Он меня и вытащил из тины. Слушаешь, дед?

— Слушаю, свет!

Видит дурак, что дело-то плохо: сказка вся, а дед сдержал свое слово, не перебивал его; и начал дурак иную побаску.

— Мой дедушка на твоём дедушке верхом ездил...

— Нет, мой на твоём ездил верхом! — перебил старик.

Дурак тому и рад, взял огня и пришел к своим братьям.

Тут разложили они огонь, поставили горшок с крупами на таган и начали

варить кашу.

Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.